

Они первыми входят в ад, или Тотальный заговор

Демонстрация работниц Путиловского завода в первый день Февральской революции

Заседание Временного правительства в Мариинском дворце. Февраль 1917 г.

**Рыбас
Святослав
Юрьевич** —

председатель совета директоров Русского биографического института, член Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации.

Продолжение. Начало см. в № 1/2016, с. 106–117; в № 2/2016, с. 94–106; в № 3/2016, с. 138–153; в № 4/2016, с. 166–177; в № 5/2016, с. 130–145; в № 6/2016, с. 156–171

Законы монархии против законов бизнеса. Назначенцы императрицы. Массонские ложи

Претензии А.И. Гучкова и его соратников сделать ЦВПК главным органом мобилиза-

ции промышленности были правительством отвергнуты. На предприятиях ЦВПК была введена (под воздействием Манниковского) военная приемка продукции и контроль офицерами производственного процесса. Как и в других воюющих странах, правительство расширяло государственное регулирование в экономике, ограничивало возможности монополий.

В марте 1916 г. был уволен военный министр А.А. Полива-

Петроград, Литейный проспект. Февраль 1917 г.

Царское Село. Г. Распутин с императорскими детьми, императрицей и гувернанткой. 1908 г.

Николай II с детьми в Тобольске. Конец апреля 1918 г.

нов, имевший дружественные отношения с ЦВПК и Прогрессивным блоком.

22 июня 1916 г. было принято постановление, которое сводилось к сокращению посреднических функций военно-промышленных комитетов, обязательной публикации информации об их деятельности и отмене запрета военной цензуре на критику в печати в адрес ВПК. Также был установлен контроль за бюджетами Всероссийского земского союза, Всероссийского союза го-

родов и других организаций по призрению больных и раненых воинов. Власть почувствовала не только политическую, но и экономическую угрозу, исходившую от крупного капитала. Так, Министерство путей сообщения планировало помимо казенной добычи угля и нефти расширить собственное машиностроение и создать собственные металлургические заводы. Некоторые заводы были национализированы. Стала осуществляться относящаяся к началу 1914 г. идея ввести пятилетние циклы строительства

железных дорог, портов, крупных гидроэлектростанций.

Показательно, что горный инженер Петр Иоакимович Пальчинский, один из главных деятелей ЦВПК, был идеологом плановости государственной экономики и принципиальным противником хищничества монополий. Другими словами, внутри самой промышленной верхушки стилизовались непримиримые тенденции.

Начав борьбу с монополиями, руководители обороны и военной

Очередь за хлебом. Январь 1917 г.

Волынский полк — один из первых полков, перешедших на сторону революции

промышленности подчеркивали неэффективность и коррумпированность существующего порядка управления. Соответственно, промышленники и банкиры выступали против усиления государственного контроля. Такой же конфликт интересов наблюдался и в других важнейших отраслях экономики, прежде всего в угледобыче и хлеботорговле. Оппозиция назвала действия правительства «государственным социализмом».

22 октября 1916 г. Министерство торговли и промышленности получило право контроля за торговлей металлами. Был принят закон о секвестре. 12 декабря царь утвердил решение Совета министров о переводе на государственное управление электрических заводов «Сименс и Гальске», «Сименс — Шуккерт», «Всеобщей компании электричества». Под государственное управление также перешел огромный Путиловский завод. «Государственный капитализм» по программе генерала Маниковского набирал обороты.

В конце 1916 г. царь распорядился провести сенатскую ревизию всех отсрочек от воинской службы, полученных представителями Земского союза и Союза городов. Это был внятный сигнал оппозиции, что Николай II на соглашение не пойдет. Последствием ревизии стал бы

массовый призыв в армию сотен и даже тысяч «земгусар», кадровый опоры Земгора.

Правительство постоянно сокращало финансирование ВПК, не справлявшегося со взятыми заказами. В противовес очевидным фактам ЦВПК заявлял, что неудачи объясняются чинимыми помехами.

Вместе с тем у правительства были бесспорные успехи, к осени 1916 г. военная промышленность добилась впечатляющих результатов. По сравнению с показателями на 1 января 1915 г. (100%) производство увеличилось соответственно к 1 января 1916 г. и к 1 сентября 1916 г.: трехдюймовых орудий к 1 января — в 3,8 раза и к сентябрю — в 8 раз; 48-линейных гаубиц в январе — в 2 раза, в августе — почти в 4 раза; 42-линейных снарядов в январе — в 6,5 раза, к сентябрю — в 7,5 раза.

Как заявил новый министр обороны генерал М.А. Шуваев на заседании Государственной Думы: «Враг сломлен и надломлен, он не справится. Я еще раз говорю: каждый день приближает нас к победе и каждый день приближает его, напротив, к поражению».

Многослойная панорама событий видна из донесений спецслужб. Начальник Петроградского охранного отделения К.И. Гло-

бачев рассказывал о подспудных течениях в ЦВПК, которые выплеснулись на поверхность в конце 1916 г. и начале 1917 г.

«Комитет, созданный по мысли Гучкова и его товарища Коновалова и набранный из лиц, принадлежавших главным образом к оппозиционным и противоправительственным партиям, естественно, смотрел на это новое дело как на использование его в чисто политических целях. Комитет являлся, так сказать, той легальной возможностью, где можно было совершенно забронированно вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев <...>. Когда же в 1916 г. были собраны статистические сведения о продуктивности изготовления боевого снаряжения для армии — казенных заводов, частных предприятий и ЦВПК, то оказалось, что главное количество боевого снаряжения производится по заказам правительства на казенных заводах, меньшая часть — частными предприятиями и только 0,4% — по заказам ЦВПК. Вот какова была продуктивность пресловутой общественной организации <...>. Все служебные заседания носили не деловой характер, а скорее являлись политическими совещаниями и митингами. Агенты Комитета и сам председатель постоянно выезжали на фронт для постепенной подго-

товки оппозиционного настроения среди командного состава, причем Гучков брал на себя главнокомандующих фронтами и командующих армиями <...>.

Уже с 1915 г., после первых неудач на войне, Государственная Дума, как я уже говорил, стала революционировать страну, а в 1916 г. там образовался определенно революционный центр с молчаливого благословения ее председателя Родзянко. Ежевечерние закрытые заседания небольшой группы с Керенским и Милюковым во главе уже дирижировали настроениями в столице и вместе с ним во всей России. Этот центр опирался на такие мощные уже к тому времени группировки и организации, как „прогрессивный блок“, „Союз земств и городов“ и ЦВПК, а последняя организация связывала революционный центр через Рабочую группу с рабочими массами и давала ему возможность проводить в этих массах все свои начинания и директивы» [71].

Как видим, развал управления нарастал. Распутин, царскосельский простонародный рупор, вел разговоры о крестьянской монархии и отмене дворянских привилегий, каковых, впрочем, кроме земельных, уже не было. Он заявлял, что монастырские и казенные земли надо разделить между безземельными крестьянами и в первую очередь между участниками войны, помещичьи — выкупить и распределить среди крестьян. И, самое главное, надо заключить мир на любых условиях; любой мир будет спасительным. Когда же Россия окрепнет, мирные условия можно изменить.

Слухи о речах Распутина вызвали большую обеспокоенность в военных и финансово-промышленных кругах, в ЦВПК, Думе, в посольствах союзников: остановка военных действий на российско-германском фрон-

те привела бы к катастрофе Антанты.

Земельные же мечтания были неосуществимы, так как к 1917 г. в 27 губерниях Европейской России было заложено в банках 32 млн десятин частной помещичьей земли на сумму 32 млрд руб., почти столько же было выдано на кредитование промышленности. На заложенную землю и претендовали крестьяне. Ее конфискация грозила крахом финансовой системы государства [78, с. 227–243].

Но о финансовых тонкостях мало кто знал, поэтому призыв отчуждать помещичьи земли тоже воспринимался как приближение последних времен.

Теперь вопрос стоял так: либо имперская власть начнет действовать в духе Петра Великого, либо ее оппоненты «повернут штыки» в ее сторону.

Жизнь Распутина повисла на волоске. Пропаганда против «темных сил» и против императрицы нарастала. При этом никого не интересовало, что император далеко не всегда прислушивался к советам супруги. Когда Александра Федоровна настойчиво просила мужа освободить от призыва в армию единственного сына Распутина, это не возымело желаемого воздействия, молодой человек был призван. Впрочем, на фронт не попал, а оказался в санитарном поезде императрицы, на что решения царя уже не требовалось.

Война сильно изменила жизнь императрицы, дала глубокое наполнение ее сильной натуре. Александра Федоровна вместе со старшими дочерьми прошла фельдшерский курс обучения, как медицинская сестра участвовала в хирургических операциях, организовала санитарный поезд. В Зимнем дворце был размещен опекаемый ею военный госпиталь.

Тем не менее одиннадцать важных кадровых назначений было сделано через нее по просьбе Распутина. Это С.П. Белецкий — директор департамента полиции в 1912–1914 гг., товарищ министра внутренних дел с сентября 1915 г. по февраль 1916 г.; А.Н. Волжин — с июля 1914 г. директор департамента общих дел МВД, с сентября 1915 г. по август 1916 г. обер-прокурор Святейшего синода; Н.А. Добровольский — с 20 декабря 1916 г. министр юстиции; князь Н.Д. Жевахов — с 15 сентября 1916 г. товарищ обер-прокурора Синода; Питирим — экзарх Грузии, архиепископ Самарский, Карталинский и Кахетинский, с 1915 г. митрополит Петроградский и Ладужский; А.Д. Протопопов — с сентября 1916 г. министр внутренних дел; Н.П. Раев (сын умершего в 1898 г. петербургского митрополита Палладия) — с 1916 г. обер-прокурор Синода; А.Н. Хвостов — с ноября 1915 г. по март 1916 г. министр внутренних дел; князь В.Н. Шаховской — с мая 1915 г. управляющий Министерством торговли и промышленности; Б.В. Штюрмер — с 20 января по 10 ноября 1916 г. председатель Совета министров и одновременно с 3 марта по 7 июля министр внутренних дел, с 7 июля по 10 ноября министр иностранных дел; В.Н. Орловский-Танаевский — с ноября 1915 г. Тобольский губернатор [79, с. 315].

Из всех назначений четыре относились к силовикам, одно — к должности премьера, четыре — к церковной сфере. Причем одно назначение — А.Д. Протопопова — имело роковые последствия.

Возможно, читатели уже устали от информации о просчетах коронной администрации и о патриотической деятельности оппозиции? Однако если посмотреть с морально-этической стороны, то оказывается, что далеко не все так приземлено. Например, на балансе министерства двора висел ненужный

Вопрос стоял так: либо имперская власть начнет действовать в духе Петра Великого, либо ее оппоненты «повернут штыки» в ее сторону.

груз — около 700 единиц обслуживающего персонала и лошадей в царских конюшнях. Император ездил в автомобиле, зачем ему столько лошадей? Но он не согласился урезать расходы, было жалко увольнять работников, оставлять их семьи без дохода.

Принципы царя можно описать с точки зрения этических принципов Великой Ясы Чингисхана, которые совпадают со взглядами «простонародной Руси»: духовное выше материального; общее выше частного; справедливость выше закона; служение выше владения; власть выше собственности.

А «грешники» были разные, в основном культурные, образованные, патриотичные. И среди них масоны. Масонством была пронизана вся верхушка, действовали несколько масонских лож, в том числе дочерние ложи «Великого Востока Франции».

Показательно, что «Великий Восток» еще в 1877 г. отменил в своей конституции требование к членам ложи верить в Высшую Сущность и бессмертие души, посчитав это личным делом каждого. Масоны были идейными либералами, выступали за «свободомыслие и толерантность к различным проявлениям человеческого духа»; монархические принципы были им чужды. Соответственно, русский монарх, помазанник Божий, не вписывался в их политическое мировоззрение.

«Незадолго до Февральской революции, — отмечал Н.В. Некрасов в своих показаниях в НКВД СССР от 13 июля 1939 г., — начались и росли связи с военными кругами. Была нащупана группа оп-

позиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг А.И. Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других), и с нею завязалась организационная связь». Готовилась и специальная группа в селе Медведь, где стояли запасные воинские части. Она-то, судя по всему, и должна была сыграть решающую роль в аресте царя.

Французская военная разведка тоже отслеживала уровень оппозиционности в Петрограде. Ее сотрудник капитан де Малейси отмечал: «Лидером искусно и давно подготовленного заговора был Гучков, поддержанный Техническими комитетами (ВПК) при содействии вел. кн. Николая Николаевича, охотно согласившегося на проникновение таких организаций в армию для ее снабжения. Менее открыто, но эффективно действовал ген. Алексеев по договоренности с большинством генералов, в том числе с Рузским и Брусиловым, не говоря о других, также предоставивших этим комитетам возможность проведения необходимой пропаганды в частях под их командованием. Алексеев уже давно контактировал с Гучковым, втайне содействуя всем своим авторитетом в армии ходу последующих событий. К тому же революция была осуществлена не самими революционерами, а монархистами, желавшими лишь отречения самодержца с установлением либеральной опеки при одном из великих князей в качестве регента» [80].

Согласно рапорту начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева Департаменту полиции МВД, существовали два революционных

заговора. Первый находился в Москве и объединялся вокруг Земского и Городского союза (Земгора) и ЦВПК. Его состав был чисто буржуазным: князь Г.Е. Львов, М.В. Челноков, А.И. Коновалов, П.П. Рябушинский и депутат Думы, член Прогрессивного блока, инженер-путеец, представитель Всероссийского профсоюза железнодорожников (Викжель) А.А. Бубликов.

Второй заговор составляли социалисты — А.Ф. Керенский, Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев. Оба центра были взаимосвязаны, первый действовал в верхах общества и армии и финансировал вторую организацию, а социалисты работали в казармах и на заводах. Земгор и ЦВПК финансировали социалистов и планировали в нужный момент их отодвинуть, а те принимали деньги, но собирались обыграть «капиталистов».

Связь между ними проходила через масонские ложи, в которых к 1917 г. состояло 300–350 членов. Руководили русским политическим масонством пять человек: Н.В. Некрасов (связь с либеральной оппозицией), А.Ф. Керенский (связь с социалистами), М.И. Терещенко (работа с военными), А.И. Коновалов и И.Н. Ефремов (торгово-промышленные круги).

Надо учесть и огромное влияние творческих, культурных, научных кругов. «Проводниками масонского влияния в России накануне революции были: Религиозно-философское общество во главе с А.А. Каменской, Русское антропософское общество (председатель Е.В. Васильева), Лига прав человека (председатель Яков Рубинштейн), Общество сближения между Россией и Америкой во главе с Н.А. Бородиным и другие организации либерального и пацифистского толка. Наряду с творческой и научной интеллигенцией (З.Н. Гиппиус, Марк Алданов,

Д.С. Мережковский, Б.В. Савинков, В.И. Немирович-Данченко, М. Волошин, академики В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург, профессор Д.Д. Grimm, Е.В. Аничков, П.Б. Струве, С.П. Костычев, М.А. Таубе, А.В. Карташев, П.Е. Щеголев) широко были представлены в русском масонстве и торгово-промышленные круги: А.И. Гучков, Павел Бурышкин, А.И. Коновалов, М.И. Терещенко, Павел Штейнгель, Степан Морозов, Абрам Животовский, Карл Ярошинский, Алексей Путилов, П.П. Рябушинский и др.

Практически полностью в масонских руках накануне революции находились и общественные структуры русской буржуазии: Земский и Городской союзы, объединившиеся в организацию Союз земств и городов (Земгор) во главе с Г.Е. Львовым. Формально организация эта занималась налаживанием производства обмундирования, амуниции, медикаментов и теплых вещей для фронта. Фактически же она стала играть роль одного из центров оппозиции власти. Особенно сильным было масонское влияние в Военно-промышленном комитете, занимавшемся распределением военных заказов среди предприятий России. Ведущую роль в комитете играли А.И. Коновалов, П.П. Рябушинский, С.Н. Третьяков, М.И. Терещенко.

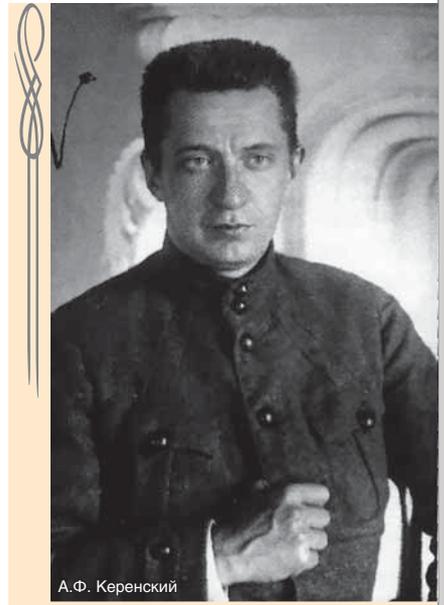
П.Н. Милуков, не называя масонов масонами, в своих мемуарах назвал будущих руководителей Временного правительства А.Ф. Керенского, Н.В. Некрасова и М.И. Терещенко близкими «к конспиративным кружкам, готовившим революцию» [81, с. 45].

Великий князь Александр Михайлович по-своему, почти как социолог, объяснил перемены в настроениях культурного общества. Масоны? Вовсе нет! «Это быстрое трестирование страны, далеко опередившее ее промышленное развитие, положи-

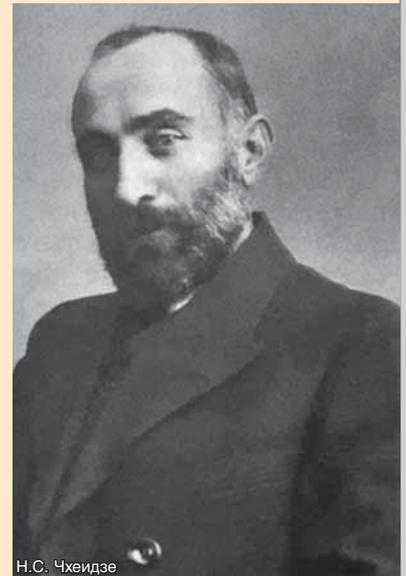
ло на бирже начало спекулятивной горячке. Во время переписи населения Петербурга, устроенной в 1913 году, около 40 000 жителей обоего пола были зарегистрированы в качестве биржевых маклеров. Адвокаты, врачи, педагоги, журналисты и инженеры были недовольны своими профессиями. Казалось позором трудиться, чтобы зарабатывать копейки, когда открывалась полная возможность зарабатывать десятки тысяч рублей посредством покупки двухсот акций „Никополь-Мариупольского металлургического общества“».

Достаточно ярко такое настроение характеризует октябрьская записка (1916 г.) Петроградского жандармского управления: «Безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода темных дельцов в разнообразных областях торгово-промышленной и общественно-политической жизни страны, бессистемные и взаимопротиворечивые распоряжения представителей местной администрации, недобросовестность низших агентов власти на местах и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости, прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения столицы и крупных общественных центров — все это <...> определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разразиться в ту или иную сторону».

Записка констатирует, что «экономическое положение массы, несмотря на огромное увеличение заработной платы, более чем ужасно. В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50% и лишь у некоторых категорий на 100–200%, цена на все продукты возросла на 100–500%» [82, с. 39].

А.Ф. Керенский

Н.С. Чхеидзе

М.И. Скобелев

Угрозы быстро накапливались. В воскресенье 5 ноября 1916 г. посол Франции встретился в Мариинском театре в ложе министра двора с «генералом В.», который по долгу службы находился «в ежедневном контакте с петроградским гарнизоном». Судя по всему, это был генерал-майор Свиты Владимир Николаевич Воейков — дворцовый комендант, зять министра императорского двора В.Б. Фредерикса, председатель Олимпийского комитета России. Генерал откровенно сообщил, что петроградский гарнизон «нехорош». В столице и окрестностях было расквартировано не меньше 170 000 человек в запасных частях. Они пребывали в страшной тесноте, безделье, боялись отправки на фронт. Генерал сказал, что следует оставить тысяч сорок человек «из лучших элементов гвардии и 20 000 казаков». Только тогда можно будет «парировать все события». Палеолог закончил эту дневниковую запись впечатляюще и тревожно: «Он останавливается, губы его дрожат, лицо очень взволнованно. Я дружески настаиваю, чтобы он продолжал. Он сурово продолжает:

— Если Бог не избавит нас от революции, ее произведет не народ, а армия».

Повторим: это говорил генерал, ответственный за безопасность императора.

Размещенные в Петрограде так называемые запасные батальоны по численности вчетверо, впятеро превосходили обычные пехотные полки и состояли из 10 000–20 000 человек, в основном рабочих с городских заводов, «полумужиков». Офицеров катастрофически не хватало. Так, в запасном батальоне Измайловского полка на восемь тысяч солдат было всего семь офицеров, которые просто физически не могли поддерживать дисциплину и проводить обучение. Это была мина замедленного действия, батальоны разлагались, и не было реальной возможности что-либо исправить. Что касается офицеров и унтер-офицеров, то большинство кадровых за годы войны были выбиты, а «офицеры военного времени» в большинстве своем были слабы в профессиональном отношении, недисциплинированы, напичканы кадетской пропагандой.

Здесь уместно вспомнить о характерном анекдоте, который рассказывает знаток русской души Достоевский: русский офицер, прислушиваясь к атеистическим речам, спрашивает в состоянии глубочайшего внутреннего сомнения: «Но если нет Бога, как я могу оставаться майором?» [83, с. 492].

Настроения общественных кругов не могли не отражаться и в Ставке.

Из Думы сигнал быстро дошел до фронта. Генерал Деникин: «Между тем, борьба Государственной Думы (Прогрессивного блока) с правительством, находившая, несомненно, сочувствие у Алексея и у командного состава, принимала все более резкие формы. Запрещенный для печати отчет о заседании 1-го ноября 1916 г. с историческими речами Шульгина, Миллюкова и др. в рукописном виде распространен был повсеместно в армии. Настроение настолько созрело, что подобные рукописи не таились уже под спудом, а читались и резко обсуждались в офицерских собраниях.

— Я был крайне поражен, — говорил мне один видный социалист и деятель Городского союза, побывав впервые в армии в 1916 г., — с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т.д. говорят о негодности правительства, о придворной грязи. Это в нашей стране — „слова и дела“!.. Вначале мне казалось, что меня просто провоцируют...» [84, с. 105–106].

Генералы уже были настроены на волну Прогрессивного блока.

В письме Гучкова генералу Алексею от 15 августа 1916 г. мы читаем: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь область гниет на корню. Ведь как ни хорошо

А.Д. Протопопов

П.Н. Миллюков

Дни революции. Баррикады на Литейном проспекте. Февраль 1917 г.

теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт, и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну, в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью <...>.

Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоострые и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигается потоп, а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик...» [85, с. 732–733].

Вместе с тем армия сорвала стратегическое наступление противника и избежала окружения, благополучно выйдя из «польского мешка» летом 1915 г., когда на нее был направлен главный удар. Фронт замер вдали от жизненных центров страны. Армия удерживала Ригу, Двинск, Минск, остановила противника на Волыни и в Восточной Галиции. Сколько-нибудь реальной угрозы Петрограду, Киеву, Одессе, не говоря уже о Москве, не было. Наступление летом 1916 г. (Брусиловский прорыв) и успехи Кавказского фронта возродили веру в победу. Обреченная драться на двух фронтах Германия с каждым днем приближалась к поражению. На весну 1917 г. планировалось широкое наступление всех сухопутных сил Антанты и вступление в войну Соединенных Штатов. Зная все это, император спокойно глядел на действия внутренней оппозиции.

Несмотря на достижения военной промышленности, пе-

Принципы царя можно описать с точки зрения этических принципов: духовное выше материального; общее выше частного; справедливость выше закона; служение выше владения; власть выше собственности.

рекрывшие горькие нехватки 1915 г., настроение генералов катилось под горку словно по инерции. В их головах переключили какой-то важный рычажок, и теперь уже острее всего их задевали в первую очередь слухи о Царском Селе, о Распутине, о «безвольном» царе.

После неудачной попытки разгромить российскую армию в 1915 г. немцы словно услышали Распутину: в Германии обнаружилась тяга к сепаратному миру. Соответствующий зондаж шел через нейтральные страны, в том числе Данию, Голландию, Испанию, Швецию. В датских и шведских газетах прошла волна пацифистских публикаций. Английская и французская разведки наблюдали за российскими посольствами с повышенным интересом, едва ли не с большим, чем за германскими и австрийскими. Если бы Россия вышла из войны, победа Германии была бы гарантирована.

И вот Европу посетила многопартийная делегация депутатов Государственной Думы, которую возглавлял товарищ (заместитель) председателя ГД октябрист Александр Дмитриевич Протопопов. В составе делегации был и П.Н. Милюков, который в Лондоне имел встречи на высшем уровне, даже с королем.

Возвращались депутаты через Стокгольм. Там и случилось событие, вначале никого особенно не заинтересовавшее, но потом давшее толчок к сходу гигантского оползня. Дело было так. Находившийся в Стокголь-

ме бывший сотрудник Витте, а ныне газетный публицист И.И. Кольшко, близкий знакомый А.Д. Протопова, свел последнего с Варбургом, гамбургским банкиром (партнером российских Гинцбургов) и советником германского посла Люциуса по банковским делам. На встрече в «Роял-отеле» разговаривали о возможности сепаратного мира. Варбург не сказал ничего нового, что ранее не доводилось до российских официальных и неофициальных лиц. Предыдущие зондажи заканчивались, как только из Берлина предлагали Петрограду послать серьезный сигнал о готовности к переговорам. Никакого сигнала никто не посылал, а разговоры Распутина и его сторонников оставались разговорами. Сейчас же перед Варбургом сидел один из высших чинов русского парламента!

Определенное значение имело и то обстоятельство, что российское Министерство финансов получало кредиты от некоторых итальянских и шведских банков под гарантии «со стороны российских коммерческих банков» [16, с. 92].

Кстати будет вспомнить замечание депутата Думы минского священника Константина Марковича Околовича: «Все хозяйство страны — под надзором, а банки — не под надзором».

В стокгольмских переговорах Протопопова, окутанных ужасными предположениями о сепаратизме, была одна неразгаданная современниками тайна, которая вела к стратегическим

интересам США и одновременно базировалась на стремлении российского правительства вырваться из-под финансового давления британцев. Лондон к тому времени уже был в больших долгах перед Уолл-стрит, так что американцы в духе своей стратагемы о «коммерческой войне» намеревались вытеснить англичан из России и занять их место. При этом партнеры русских по Антанте тоже были настроены весьма прагматично. На экономической конференции союзников в Париже в июне 1916 г. Англия и Франция помимо планов экономического «освоения» побеждаемой Германией дальновидно обсуждали юридические основы своей будущей финансовой гегемонии в России [86, с. 339].

Если бы Россия вышла из войны, победа Германии была бы гарантирована.

Однако и за океаном не дремали. У Фрица Варбурга был прямой контакт с американцами — его брат Пауль был женат на дочери американского банкира Леба, совладельца крупной американской финансовой группы «Кун, Леб и Ко». В мемуарах устроителя встречи шведско-американского банкира Олафа Ашберга говорится, что основной темой беседы с Протопоповым был не сепаратный мир, а русско-американские финансовые перспективы. Дело в том, что Петроград тоже хотел выйти из-под финансового контроля Лондона, чтобы развязать себе руки для более свободного планирования ближайшего будущего, не исключавшего, впрочем, и гипотетического мира с немцами. Получив американский кредит, Россия значительно укрепила бы не только рубль, но и свои позиции в Лондоне и Париже, сыграв на англо-американской конкуренции.

Накануне Февральского переворота (2 января 1917 г.) в Петро-

граде было открыто отделение американского «Нейшнл Сити-банка» (*National City Bank of New York*), его первым клиентом стал киевский миллионер, член ВВНР, будущий министр Временного правительства М.И. Терещенко, получивший бланковый (необеспеченный) кредит в 100 тыс. долл. (сегодня это примерно 9 млн долл.). Показательно, что американская компания «Стандарт Ойл» (действовала с помощью этого же банка) была крайне заинтересована в проникновении в российскую нефтедобывающую промышленность, но сдерживалась российским правительством. После окончания мировой войны Крейн входил в делегацию США на Парижской мирной конференции и затем контролировал передел границ

Турции, имея в виду и перераспределение ближневосточных нефтяных месторождений.

За месяц до вступления США в войну (7 апреля 1917 г.) правление «Стандарт ойл» приняло программу расширения своих месторождений: «знать, что делается на всех шельфах за границей в смысле разведочных работ и передачи собственности»; «находиться в поле зрения каждого владельца собственности, который может захотеть продать ее или отдать в аренду»; «собирать данные относительно будущих районов нефтяного производства на земном шаре и проявлять интерес к наиболее перспективным из них». Ближний и Средний Восток, Кавказ, Средиземноморье и Балканы — вот первейшие границы этой программы.

В марте 1917 г. «сторонник освобождающихся народностей» (по определению Милюкова) уже известный нам Чарльз Крейн, на сей раз покровительствовал

ший Л.Д. Троцкому, вместе с ним одним пароходом выехал в Россию. Именно Крейн убедил председателя Чешского национального комитета Т.Г. Масарика поддерживать антисоветский мятеж Чехословацкого корпуса. В 1917 г., сразу после Февраля, сенатор, бывший государственный секретарь США Элиу Рут был отправлен в Россию со специальной миссией, в составе которой были генералы, банкиры, промышленники; членом миссии стал и Крейн. Полковник Хаус писал Вильсону, давая косвенную оценку деятельности Крейна: «Нынешние события в России произошли во многом благодаря Вашему влиянию». Что имелось в виду? Политическое влияние? Массонские связи? Финансирование? Что касается финансирования уличных беспорядков, то об этом — в следующих главах. (Справочно: «В начале лета 1917 года американская миссия Стивенса, прибывшая в Россию, добивалась контроля над всеми главными железнодорожными магистралями страны, и в первую очередь над железной дорогой, связывающей Владивосток с жизненными центрами европейской части России. Были подготовлены соответствующие договоры, предоставляющие американским монополиям многочисленные концессии на добычу нефти, угля, железной руды в различных российских регионах») [60, с. 72].

Но вернемся в Стокгольм. У английской разведки были все основания оценить фигуру Протопопова как опасную. В общем, там разыгрывалась финансово-политическая комбинация, которая на первых порах обернулась публичным скандалом в Петрограде, а через много лет, в конце 1920 г., завершилась настоящей финансовой войной США и Великобритании.

Однако для думской оппозиции и британского посольства в Петрограде ситуация прочитывалась как опасная.

А.Ф. Керенский приветствует войска. Март 1917 г.

Дни революции в Петрограде. Февраль 1917 г.

Вернувшись домой, Протопопов, не понимая, что играет с огнем, разболтал информацию о встрече с немцем, придав себе вид вершителя судеб человечества. Вскоре Милуков, то ли получив рекомендацию из британского посольства, то ли по собственному почину, поднял тревогу. Сам он признался: «Естественно, что вызов Протопопова к царю тотчас по возвращении из-за границы и ласковый прием в Ставке вызвали усиленный интерес к его беседе с Варбургом в Стокгольме» [61, с. 438].

16 сентября 1916 г. произошло событие, которое в ряду других особо не выделялось, но вскоре возымело печальное последствие. А.Д. Протопопов, заместитель председателя Государственной Думы, октябрист, крупный землевладелец, владелец завода и предводитель дворянства Симбирской губернии, был назначен управляющим Министерством внутренних дел. Кроме того, он был членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом и председателем Совета съездов представителей металлургической промышленности — словом, вполне обуржуазившимся дворянином.

Принято считать, что его назначению содействовал Распутин, что его поддержала Александра Федоровна. Это правда, но не вся. Императрице рекомендова-

ли Протопопова всего за девять дней до его назначения, и она сразу поняла, что возможное назначение разрушит единство оппозиции. Император предполагал, что Протопопов как депутат ГД сможет уменьшить враждебность большинства Думы. Он объяснял дворцовому коменданту Воейкову, что в назначении руководствовался тремя причинами: троекратной просьбой о назначении со стороны председателя ГД М.В. Родзянко, благодарственным письмом английского короля, в котором руководитель думской делегации характеризовался как «обладающий большой государственной мудростью», и рекомендацией министра иностранных дел С.Д. Сазонова, просившего царя «поближе познакомиться и довериться Протопопову как человеку, весьма подходящему для занятия ответственной государственной должности».

На первых порах в Таврическом дворце восприняли назначение как обнадеживающий сигнал. Перемена в настроениях произошла чуть позднее, как будто кто-то нажал на невидимую кнопку. Боек соскочил с предохранителя, призрак сепаратного мира стал медленно окутывать Царское Село, а там и весь Петроград. Теперь назначение Протопопова оценивалось как коварная игра Царского Села с целью расколоть оппозицию, новый министр стал персоной

нон грата. Без опоры на думцев, не будучи профессионалом в делах МВД, он стал посмешищем «с разжиженными мозгами».

Генерал А.И. Спиридович заметил, что «наступление на правительство началось с осени, после возвращения из заграницы депутации Государственной Думы и Государственного Совета». Стали широко распространяться слухи, что «царица по своим симпатиям чистейшая немка и работает на Вильгельма. Клеветали, что с целью подчинения государя влиянию царицы его опаивают каким-то дурманом, что расслабляет ум и волю государя. Клеветали, что Распутин состоит в интимных отношениях с царицей».

А.Ф. Керенский на общем собрании присяжных поверенных Петрограда в пылу полемики заявил, что „революция может удасться только сейчас, во время войны, когда народ вооружен, и момент может быть упущен навсегда <...>“. Капитал стремился к власти. Победа русской армии ему была страшна, так как она лишь бы укрепила самодержавие, против которого они боролись, правда, тайно, лицемерно» [87].

Протопопов был принесен в жертву своими коллегами ради светлых идеалов революции. Но разве главное в нашей истории — судьба несчастного Протопопова? Главное в том,

Интерьер вагона, в котором было принято отречение Николая II

Министр — председатель Временного правительства князь Г. Е. Львов, военный министр А. И. Гучков и верховный главнокомандующий генерал от инфантерии М. В. Алексеев

Речь П. Н. Милюкова на заседании Государственной Думы, 1 ноября 1916 г.

Солдаты Преображенского полка, охранявшие Таврический дворец во время встречи с депутатами Госдумы Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенским, М. И. Скобелевым

что этот руководитель государственной безопасности оказался никудышным защитником империи. Выбор императора был ужасной ошибкой.

Заговор генералов

В записках генерала Спиридовича есть сведения, что в октябре 1916 г, в Петрограде была встреча, в которой участвовали П.Н. Милюков, М.М. Федоров, А.И. Гучков, М.И. Терещенко, С.И. Шидловский «и еще несколько человек». «Было решено, что Император Николай II не может более царствовать. Необходимо добиться его отречения. Почти все высказались, что отречение должно быть „добровольным“. Престол должен перейти к законному наследнику Алексею Николаевичу, а, по его малолетству, надо учредить регентский совет во главе с вел. кн. Михаилом Александровичем» [87].

У Гучкова был другой план. После Февраля, давая показания Чрезвычайной следственной комиссии, он сообщил: «План заключался в том (я только имен не буду называть), чтобы захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, потом одновременно при посредстве воинских частей, на которые здесь, в Петрограде, можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство, а затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство» [88].

Читатель засомневается: «Захватить императора? Разве это возможно?»

Но то, что вчера было немислимым, сегодня воспринималось как обсуждаемая проблема. Генерал-адъютант Алексеев во время пребывания Александров Федоровны в Ставке демонстративно отказывался «от приглашений к высочайшему столу». Начальник штаба Верховного глав-

нокомандующего, правая рука монарха, как обидчивая барышня, позволял себе такие выходки. И это сходило ему с рук. Верховный главнокомандующий предпочитал объяснять это загруженностью ближайшего помощника.

Дворцовый комендант Воейков так не считал. Но не мог же он силком тащить генерала за стол? Он уже знал, что есть очаги «революционного брожения»: Государственная Дума во главе с председателем Родзянко, Земский союз с князем Львовым, ЦВПК с Гучковым и Ставка с генералом Алексеевым, «нанесшая самый сильный удар по монархическому строю» [89, с. 211].

1 ноября 1916 г. был дан «штурмовой сигнал» к атаке на правительство и императрицу. На пленарном заседании Государственной Думы прозвучало несколько речей, которые свидетельствовали об объявлении войны режиму. В воспоминаниях Милюкова говорится: «Перед самым открытием Думы 1 ноября председатель Думы получил от собрания председателей губернских земских управ и от главноуполномоченного Союза городов обращения к Думе, подписанные Львовым и Челноковым. Кн. Львов писал, что собравшиеся „пришли к единодушному убеждению, что стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной и ведет ее по пути гибели и позора, и единогласно уполномочили его довести до сведения членов Государственной Думы, что в решительной борьбе Государственной Думы за создание правительства, способного объединить все живые народные силы и вести нашу родину к победе, земская Россия будет стоять заодно с народным представительством“. В мотивах говорилось о „зловещих слухах о предательстве и измене“, о „подготовке почвы для позорного мира“, о необходимости „неуклонного про-

должения войны до конечной победы». В обращении Городского союза повторялись те же мотивы с присоединением обвинения в „преступной медленности, проявленной в польском вопросе“, и Дума уведомлялась, что „наступил решительный час — промедление недопустимо, должны быть напряжены все усилия к созданию“, наконец, такого правительства, которое, в единении с народом, доведет страну к победе» [61, с. 444–445].

П.Н. Милюков нанес удар: «Когда с большей настойчивостью Дума напоминает, что надо организовать тыл для успешной работы, а власть продолжает твердить, что организовать страну — значит организовать революцию, и сознательно предпочитает хаос и дезорганизацию. Что это: глупость или измена? <...> Но все частные причины сводятся к этой одной общей: к злонамеренности и неспособности данного состава правительства. Это наше главное зло, победа над которым будет равносильна выигрыванию всей кампании» [90, с. 32].

Милюковская речь стала убийцей монархии. Генерал Спиридович писал: «Делая вид, что у него имеются какие-то документы, Милюков резко напал на правительство и особенно на премьера Штюрмера, оперируя выдержками из немецких газет. Он упоминал имена Протопопова, митрополита Питирима, Манасевича-Мануйлова и Распутина и назвал их придворной партией, благодаря победе которой и был назначен Штюрмер и которая группируется „вокруг молодой царичи“».

Милюков заявлял, что от английского посла Бьюкенена он выслушал „тяжеловесное обвинение против того же круга лиц в желании подготовить путь к сепаратному миру“.

Перечисляя ошибки правительства, Милюков неоднократно

вопросил аудиторию — «Глупость это или измена?» и сам в конце концов ответил: — «Нет, господа, воля ваша, уже слишком много глупости. Как будто трудно объяснить все это только глупостью».

Дума рукоплескала. Милюков, конечно, понимал, чего стоят во время войны утверждения немецкой газеты, на которую он ссылаясь. Он знал, что никаких данных на измену кого-либо из упоминавшихся им лиц нет. Он клеветал намеренно. И эта клевета имела колоссальный успех.

Император верил, что православные люди ради политических интриг не посмеют вредить России.

Вычеркнутые из официального отчета слова Милюкова были восстановлены в нелегальных изданиях его речи. Листки с полной речью распространялись повсюду [87].

На речь Милюкова пришел отклик из Москвы: «Торгово-промышленная Москва заявляет Государственной Думе, что она душой и сердцем с нею». Он был подписан представителями Биржевого комитета, Купеческой управы, комитетов — Хлебной биржи, Мясной биржи и Биржи пищевых продуктов.

А.И. Гучков говорил: «Он потряс основы, но не думал свалить их, а думал повлиять. Он думал, что это, прежде всего, потрясет мораль там, наверху, и там осознают, что необходима смена людей. Борьба шла не за режим, а за исполнительную власть. Я убежден, что какая-нибудь комбинация с Кривошеиным, Игнатьевым, Сазоновым вполне удовлетворила бы. Я мало участвовал в этих прениях, не возражал, а только сказал одну фразу, которая послужила исходной нитью для некоторых дальнейших шагов и собы-

тий: мне кажется, мы ошибаемся, господа, когда предполагаем, что какие-то одни силы выполнят революционное действие, а какие-то другие силы будут призваны для создания новой власти. Я боюсь, что те, которые будут делать революцию, те станут во главе этой революции. Вот эта фраза, которая не означала призыва присоединиться к революции, а только указывала, что из этих двух возможностей, о которых мы говорили (возможность, так сказать, катастрофы власти под влиянием революционного напора,

призыва государственных элементов), я видел только вторую. Я был убежден, что, если свалится власть, улица и будет управлять, тогда произойдет провал власти, России, фронта» [67].

Другими словами, Гучков предложил подумать об организации дворцового переворота, предотвратив революционный взрыв низов.

А.И. Спиридович вспоминал, что после думских речей «все читали об измене, о подготовке сепаратного мира и верили». Иначе говоря, «штурмовой сигнал» дошел до широких масс. Но министр А.Д. Протопопов заявлял, что держит ситуацию под контролем и «скрутит революцию».

18 октября британский посол Дж. Бьюкенен посетил Ставку Верховного главнокомандующего в Могилеве, где вручил царю Большой рыцарский крест ордена Бани. Посол посоветовал ему принять идею японцев — в обмен на северную часть острова Сахалин они могут направить на германский фронт японский воинский контингент.

«Император сразу же сказал, что это абсолютно исключено и он не может уступить ни пяди русской земли. Я осмелился напомнить его величеству знаменитое высказывание Генриха IV: „Париж стоит мессы“, но безрезультатно» [91, с. 178]

Насколько царь был раздражен, видно из того, что на завтрак в присутствии Бьюкенена он не надел знаков ордена Бани «и не произнес, как это принято в таких случаях, тост за здоровье короля».

Следующая встреча царя и посла произошла на обеде в честь покидающего Россию японского посла виконта Мотоно. Бьюкенен, рискуя вызвать гнев, счел возможным заговорить о внутреннем положении России: «В дальнейшей беседе я указал на распространившееся по всей стране глубокое недовольство, вызванное нехваткой продовольствия, и беспорядки, уже имевшие место в Петрограде. Министр путей сообщения (А.Ф. Трепов, преемник премьер-министра Б.В. Штюрмера, не сумевшего найти общий язык с ГД. — *Примеч. авт.*), заметил я, недавно говорил мне, что левые партии пытаются воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы добиться от правительства политических уступок, но, как бы я ни уважал и ценил господина Трепова, я не могу согласиться с его точкой зрения по данному вопросу. Это не политический вопрос в строгом смысле этого слова и не движение в сторону конституционной реформы».

Я выразил надежду, что власти не будут прибегать к репрессивным мерам, поскольку недовольство вызвано сознанием того, что в такой богатой природными ресурсами стране, как Россия, трудящиеся не могут получить предметов первой необходимости из-за некомпетентности администрации. Я также

не мог скрыть от его величества того, что, по донесениям наших консулов, крестьянство, всегда считавшее своего императора непогрешимым, утрачивает веру в него, и что самодержавие лишается опоры из-за недобросовестности его министров» [91, с. 180–181].

Это была речь не посла союзного государства, а прокуратора Римской империи. Император едва сдержался.

Правые круги тоже охватывала тревога при виде непонятных попыток коронной власти усидеть сразу на двух стульях, либеральном и консервативном. Они все еще надеялись исправить положение. В ноябре 1916 г. Николаю II было передано письмо, которое впоследствии было названо «Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова». В письме содержались рекомендации по предотвращению революции. Среди его авторов называют как самого Римского-Корсакова, так и белгородского помещика, члена Государственного совета М.Я. Говорухо-Отрока.

Александр Александрович Римский-Корсаков был членом Государственного совета, председателем Комитета монархических организаций по устройству празднования 300-летия Дома Романовых, одним из основателей «Российского общества попечения о беженцах православного вероисповедания».

В январе 1917 г. при участии Говорухо-Отрока была составлена и передана императору Николаю II еще одна Записка, рекомендовавшая совершить переворот в духе 3 июня 1907 г., изменить закон о Государственной Думе и выборах в нее и ввести в стране военное положение. Обстановка в стране описывалась как вступление Думы «на явно революционный путь» «при поддержке так называемых общественных организаций», как

движение «в сторону государственного, а, весьма вероятно, и династического переворота».

Предлагалось назначить на высшие государственные посты абсолютно надежных людей, «способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом и анархией». Подчеркивалось, что «Государственная Дума должна быть немедленно распущена», «в обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то и осадное) со всеми его последствиями до полевых судов включительно». Военные части в этих городах «должны быть заблаговременно снабжены пулеметами и соответствующей артиллерией», «закрыты все органы левой и революционной печати и приняты все меры к усилению правых газет». Всем ответственным руководителям должно быть предоставлено право отстранения от должности неблагонадежных лиц, «кои оказались бы участниками антиправительственных выступлений либо проявили в сем отношении слабость или растерянность», «вся военная промышленность должна быть милитаризована». В главные комитеты Союзов земств и городов и их подразделения, «отделы, а равно во все Военно-промышленные комитеты и во все содержимые сими учреждениями заведения, мастерские, лазареты, поезда и проч. должны быть назначены в тылу правительственные комиссары, а на фронт коменданты из эвакуированных офицеров для наблюдения за расходом отпускаемых казною сумм и для совершенного пресечения революционной пропаганды». Из Государственного совета должны быть удалены все участники «так называемого Прогрессивного блока». К Записке имелось пояснение. В нем не без иронии го-

ворилось, что надо срочно действовать в указанном направлении «либо положиться на Волю Божию и спокойно ожидать государственной катастрофы».

Эту Записку передал царю вскоре назначенный премьером вместо испросившего отставки А.Ф. Трепова (пробыл на посту полтора месяца) князь Н.Д. Голицын. Напрасно защитники режима ждали ответа, его не последовало.

12 декабря из Берлина пришло неожиданное известие: все страны Четвертного союза предлагают заключить мир.

В тот же день, находясь в ставке, император отдал приказ по всем войскам вести войну до победного конца, назвав целями завоевание Константинополя и Прованса.

В ночь с 16 на 17 ноября 1916 г. начался скрытый государственный переворот. При участии членов царской семьи во дворце Феликса Юсупова Распутин был убит князем Феликсом Юсуповым (женат на племяннице императора), депутатом ГД, правым националистом В.М. Пуришкевичем, великим князем Дмитрием Павловичем (племянник царя) и английским разведчиком Освальдом Рейнером. Именно британец произвел контрольный выстрел в лоб Распу-

тина из английского армейского револьвера.

Теперь британский посол Джордж Бьюкенен мог спать спокойно, опасный сепаратист был устранен.

Приехавший в столицу с фронта генерал А.М. Крымов без обиняков говорил членам Прогрессивного блока, что в армии «все с радостью будут приветствовать известия о перевороте».

Итак, каких еще доказательств не хватало правительству, чтобы ввести военное (осадное) положение и провести аресты, высылки и прочие специальные меры для защиты государственного порядка? Элита замерла в страшной тревоге.

Протопопов тоже предложил ввести в столицу гвардейскую дивизию, а также ограничить финансирование ЦВПК.

Следствие быстро установило убийц Григория Распутина и поставило императорскую семью перед трудным выбором. Из перлюстрированной переписки и телеграмм полиция выяснила, что многие члены семьи Романовых поддержали убийц и среди них сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова убитого эсерами великого князя Сергея Александровича, дяди царя. Именно

она была воспитательницей великого князя Дмитрия Павловича. Что было делать? Суд над убийцами из царского дома стал бы еще одним ударом по режиму.

Никакого суда не состоялось. Великий князь Дмитрий Павлович был выслан на Кавказ, князь Юсупов — в свое имение, а депутат ГД Пуришкевич отбыл в своем санитарном поезде на фронт.

Казалось, все вокруг императора взывало к нему: прими вызов, соберись с силой, дай отпор!

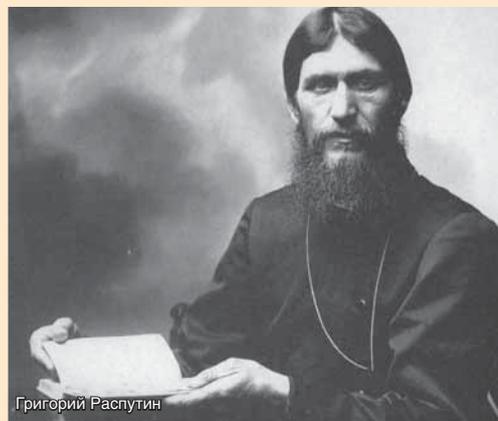
Нет, он верил, что православные люди ради политических интриг не посмеют вредить России.

С точки зрения охраны положение в столице усугублялось тем, что казармы гвардейских полков в городе были заняты новобранцами из запасных батальонов (около 200 тыс. человек), обитавших в страшной тесноте (нары в три-четыре уровня) и, главное, не желавших отправления на фронт. Предложение Николая II перевести в Петроград 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию не было выполнено под предлогом, что из-за отсутствия помещений ее негде разместить. Наличествующих в городе сил полиции и казаков было всего 10 тыс. человек.

25 декабря был назначен новый председатель правительства

Арестованная царская семья в Екатеринбурге

Григорий Распутин

Джордж Бьюкенен

Заседание Петроградского совета в Таврическом дворце. Март 1917 г.

У Таврического дворца в день открытия первого заседания Совета рабочих и солдатских депутатов. Фото Я.В. Штейнберга

66-летний князь Николай Дмитриевич Голицын. Он был председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, членом Государственного Совета, где входил в группу правых, ранее был архангельским губернатором. Его по госпитальным делам хорошо знала Александра Федоровна.

Перед Новым годом царь принял Дж. Бьюкенена по его просьбе. Встретил холодно, не предложил сесть и не стал обсуждать внутренние дела, несмотря на то, что посол трижды пытался начать обсуждение. Было известно, что англичанин недавно встречался с Милюковым, Родзянко, Гучковым и что там затрагивался вопрос о дворцовом перевороте. Император упрекнул посла, что тот посещает оппозиционеров.

Готовили ли британцы государственный переворот? Это вопрос с двумя ответами. Революцию они не готовили, но поддерживали давление в российском политическом котле, добиваясь расширения прав оппозиции и считая, что таким образом будут контролировать ситуацию. А устроится конституционная монархия — тем лучше!

Поэтому французская разведка оправданно усматривала в их действиях провоцирование революции. Де Малейси доносил в Париж: «Лорд Мильнер (военный министр. — *Примеч. авт.*) во время пребывания в Петрограде, это вполне установленный факт, решительно подталкивал Гучкова к революции, а после его отъезда английский посол превратился, если можно так выразиться, в суфлера драмы и ни на минуту не покидал кулис. По ходу исторических событий вместо доведения до сведения императора, который тогда находился в Царском Селе, требований Думы с попыткой в последний раз добиться уступок, Бьюкенен просил лидеров гучковско-милюковской и другие группировки лишь потерпеть до приезда государя в Ставку, чтобы из-за удаленности у него фактически не оставалось времени вмешаться в нужный момент, пойдя на уступки, которые у него вырвали бы в случае настойчивого отказа. Если бы он не уехал, весьма вероятно, не произошло бы самого события» [80].

Французский разведчик указывал, что целью двойной игры Англии, кроме разгрома Германии, является уменьшение вли-

яния России в будущие мирные времена, чему «помогают и ассистируют Родзянко, Сазонов, Милюков и Гучков».

В конфиденциальной записке лорда Мильнера императору от 4/17 февраля 1917 г. указывалось, что России «нужна лучшая организация».

Уместно вспомнить откровенное признание в дневнике английского посла во Франции лорда Берти, относящееся к февралю 1916 г.: «Обещание Константинополя было огромной глупостью, чтобы не сказать — преступной ошибкой» [92, с. 161].

Вспоминая о подготовке заговора, Гучков утверждал, что убивать царя не предусматривалось, собирались вынудить его подписать отречение в пользу наследника Алексея при регентстве царского брата великого князя Михаила Александровича. Какими способами хотели добиваться отречения, не сказал. Генерал Спиридович уточнил: «Если бы Государь не отрекся, его убили бы. Так было решено».

Замысел дворцового переворота распространялся все шире и шире. К нему присое-

динился председатель Земского союза князь Георгий Евгеньевич Львов, будущий председатель первого состава Временного правительства. По его плану монархом должен был стать великий князь Николай Николаевич. Посвящая в заговор своих соратников-земцев, среди которых были московский городской голова М.В. Челноков и тифлисский городской голова А.И. Хатисов (по данным Н. Берберовой, оба масоны), Львов сказал, что заговор поддержали 29 председателей губернских земских управ и городских голов, что великий князь Николай Николаевич оповещен и что сам Львов возглавит будущее правительство.

А.И. Хатисов отправился на встречу с Николаем Николае-

зем Николаем Михайловичем, который сообщил, что 16 великих князей договорились устранить Николая II с трона. Николай Михайлович пользовался большим авторитетом в семье, он был членом Французской академии наук, историком, масоном, открыто высказывался против «темных сил» в окружении Александры Федоровны, за что был выслан из Петрограда. Кроме того, у него на Кавказе был собственный бизнес, он владел источниками минеральной воды боржоми [89, с. 195].

Спустя два дня Николай Николаевич снова принял Хатисова и сказал, что решил не участвовать в заговоре. Таким образом, план Львова с опорой на великого князя не был осуществлен, остался гучковский — с регент-

товки Октябрьской революции. М., 1974.

79. Боханов А.Н. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997.

80. Революция глазами Второго бюро [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скеписис». URL: http://scepisis.net/library/id_1905.html.

81. Милюков П.Н. История второй русской революции / Сост., автор комментариев А.В. Репников. М., 2001.

82. Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. М., 2003.

83. Франк С.Л. Русское мировоззрение // Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.

84. Деникин А.И. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991.

85. Головин Н.Н. Наука о войне / Сост. И.А. Вершинина. М., 2008.

86. Ганелин Р.Ш. Царизм, буржуазия и американский капитал // Ганелин Р.Ш. В России двадцатого века. Новосибирск: Новый хронограф, 2015.

87. Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/index.html.

88. Щеголев П.Е. Падение Царского режима [Электронный ресурс] // Таинственная страна. URL: http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/Щеголев_Павел_Елисеевич/Падение_царского_режима.

89. Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М.: Воениздат, 1995.

90. Государственная дума. 1906–1917: Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995.

91. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / Пер. с англ. М., 1991.

92. Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919 / Перевод и примечания Е.С. Берловича. М., Л.: Государственное издательство, 1927.

Целью двойной игры Англии, кроме разгрома Германии, является уменьшение влияния России в будущие мирные времена, чему «помогают и ассистируют Родзянко, Сазонов, Милюков и Гучков».

вичем, которого хорошо знал. Перед Тифлисом он заехал в Петроград обсудить план с Милюковым и депутатом ГД, социал-демократом Чхеидзе. Однако Милюков заговор не поддержал, сказав, что в ближайшее время произойдет революция, а Чхеидзе вообще заявил, что царский режим нельзя свергнуть.

30 декабря 1916 г. Хатисов встретился с Николаем Николаевичем и предложил план Львова, также сообщил, что начальник ГАУ генерал Маниковский готов всячески содействовать замыслу. Великий князь попросил два дня на размышление.

Накануне их встречи Николай Николаевич виделся с приехавшим рано утром великим кня-

зем великого князя Михаила Александровича. Однако то, что великий князь, главнокомандующий Кавказским фронтом не арестовал посланца заговорщиков, говорило о наступлении последних времен.

Н. Берберова встречалась в 1929 г. в Париже с самим Хатисовым, и тот полностью подтвердил эту историю. ■

ПЭС 16004 / 15.01.2016

Источники

[1] – [14] см. в № 1/2016, с. 117.
[15] – [23] см. в № 2/2016, с. 106.
[24] – [40] см. в № 3/2016, с. 153.
[41] – [51] см. в № 4/2016, с. 177.
[52] – [66] см. в № 5/2016, с. 145.
[67] – [77] см. в № 6/2016, с. 171

78. Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подго-